

Образ инородческого населения Горного Алтая по материалам делопроизводственных источников XIX – начала XX вв.¹

Статья представляет собой опыт реконструкции историко-географического образа юго-восточных предгорий Алтая в делопроизводственных документах XIX – начала XX в. На основе анализа рапортов, отчетов, донесений, официальных писем автор приходит к выводу о том, что активная интеграция окраины в состав Российской империи началась лишь во второй половине XIX – начале XX в. в связи с возрастанием переселенческого движения в данный регион и множественным возникновением конфликтных ситуаций, требующих вмешательства властей. Анализ архивных материалов демонстрирует важную особенность данного вида источников по заявленной теме: отсутствие в нем комплексной характеристики региона. Однако наличие фактов и суждений составителей документов по истории освоения Горного Алтая, этническому своеобразию региона, быту и хозяйственной деятельности «инородцев» позволяют восстановить информированность и представления чиновников середины XIX – начала XX в. о данном регионе. Слабое отражение перечисленных аспектов в иных видах источников усиливает ценность делопроизводственных документов. Зафиксированный в них образ региона и его коренных жителей имеет важное значение в связи с тем, что, основываясь на нем, местная администрация нередко планировала свою деятельность и выстраивала практику управления.

Ключевые слова: образ региона, делопроизводственные источники, Горный Алтай, инородцы.

Одной из тенденций национальной политики Российской империи в до-революционный период явилось стремление государственной власти к максимально возможной степени регламентации жизни окраин страны, находившихся в удалении от центра. Формально-институциональная сторона управления такими регионами в XIX – начале XX в. проявлялась, в том числе, через циркулирование большого массива официальных бумаг: рапортов, отчетов, донесений, постановлений, разрешений. Сформировавшийся комплекс документов по каждому отдельному региону вызывает особый исследовательский интерес, поскольку детерминирует возможность не только выявления фактологической составляющей развития территории, но и реконструкции представлений о данном регионе, существовавших в сознании имперских чиновников и административном дискурсе.

На современном этапе развития исторической науки обозначился устойчивый интерес к исследованиям, связанным с представлением русских об «инородцах» Сибири. Свидетельствами этого являются монографии Н.Н. Родиги-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-22005.

ной², Ю.А. Ледовских³, Г.А. Казариной⁴ и других ученых, в которых в той или иной степени предпринимаются попытки реконструировать образ населения Сибири. Основным источником изучения проблематики стали материалы периодической печати, имеющие высокий потенциал в конструировании образов социокультурного пространства. Делопроизводственные материалы как самостоятельный вид источников практически не рассматривался в работах, посвященных исследованию образа «инородцев», что актуализирует обращение к нему. Причем, в отличие от законодательных актов, делопроизводственная документация позволяет с большей достоверностью воссоздать представления российских властей о регионе, так как заключает в себе не механический набор императивов, а отражает непосредственно административную практику, реальные проблемы и управленческие решения по их преодолению.

Таким образом, анализ делопроизводственных документов как особого вида источников является неотъемлемой частью процесса реконструкции такого сложного, многомерного феномена, как образ региона и его важнейшей составляющей – образа коренного населения.

Начиная с 1822 г., юго-восточные предгорья Алтая (Горный Алтай) фактически находились под двойной юрисдикцией. Указом Елизаветы Петровны от 2 мая 1756 г., разрешившим принять 13 бывших «зенгорских зайсанов» под русскую «протекцию», непосредственное управление присоединенными племенами возлагалось на начальство Кольвано-Воскресенской оборонительной линии крепостей. В ходе проведения административной реформы Сибири 1822 г. земли Горного Алтая были законодательно закреплены за Кабинетом его императорского величества. Так, в законе «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению» значилось: «Все земли и леса, ныне к ведомству заводскому принадлежащие, имеют состоять в непосредственном заведении заводского управления и изъемяются из правил, по коим предназначается раздача земель чиновникам, в Сибирских губерниях служащих»⁵.

Одновременно с административно-территориальными узаконениями 1822 г., по инициативе М.М. Сперанского, был создан нормативно-правовой акт, комплексно определявший основы правового регулирования аборигенных племен – Устав об управлении инородцами. В документе не было обозначено особое положение Алтая как территории, подведомственной Кабинету, и, как

² Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006. 343 с.

³ Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 241 с.

⁴ Казарина Г.А. Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX – начале XX в.: авторы, проблематика, жанры: дис. ... канд. фил. наук. Новосибирск, 2009. 180 с.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 38. С. 124.

следствие, управление его местным населением вверялось губернатору Западной Сибири.

В результате управление Горным Алтаем одновременно осуществлялось по двум линиям: государственной, основывавшейся на положениях Устава об управлении инородцев 1822 г., и ведомственной, осуществлявшейся Кабинетом. Соответственно, делопроизводственное обеспечение также шло по этим двум каналам, анализ материалов которых представлен в текущей работе.

Длительное время, начиная с момента вхождения Горного Алтая в состав России, государственная власть имела крайне слабое представление как о самом регионе, так и о его населении. Указ 1756 г., детально освещавший процедуру принятия алтайских племен в русское подданство, не содержал информации о расширении территории на юг, и, соответственно, об управлении «калмыцким народом». Более того, российские органы власти вплоть до середины XIX в. не проявляли какого-либо серьезного интереса к вновь присоединенному региону, что подтверждается крайне немногочисленными официальными документами, касавшимися администрирования автохтонных сообществ.

Одним из первых делопроизводственных источников, содержащим информацию о населении Алтая, являлся рапорт бийского земского исправника, фамилия которого, к сожалению, не установлена. Документ был составлен в 1854 г. Бийской канцелярией в результате запроса Томским губернским правлением статистических сведений об «инородцах» и содержал в себе характеристику инородческих племен, кочевавших в пределах Горного Алтая.

Описание «инородцев», проживавших на вверенной ему территории, бийский исправник предварил историей вхождения алтайских племен в состав Российской империи. В рапорте указывалось, что «до вступления в подданство России калмыки кочевали в пределах китайского государства, управлял ими Князь ойрот, и когда у него началась с китайцами война, предки здешних калмык, а также татар кузнецкого округа бежали в пределы России, а прочие их соплеменники были взяты китайцами в плен и поступили в их подданство»⁶. Скудность представленного материала относительно истории автохтонного населения чиновник оправдывал тем, что «более-менее о происхождении калмык им самим ничего не известно»⁷.

В документе подчеркивалось, что на территории Горного Алтая кочевало несколько племен «инородцев», однако, конкретных представлений об этих этнических группах исправник не имел, сообщая, что «между калмыками, кочующими в Алтайских горах, и черни в нравах, обычаях различий не замечено»⁸.

Наиболее подробно местная власть была знакома со спецификой хозяйственной жизни алтайцев. В Губернское правление доносилось, что «инородцы» занимались «скотоводством, звероловством, небольшой частью рыболов-

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 648. Л. 7.

⁷ Там же.

⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 648. Л. 10.

ством, некоторые занимаются хлебопашеством, и немногие пчеловодством, кроме этого, калмыки, кочующие между реками Бией и Катунью к Телецкому озеру, вырабатывают большое количество кедровых орехов; торговля их состоит из скота, орехов и разных звериных шкур»⁹.

Образ аборигена Алтая, сформированный бийским исправником, представлял собой странный набор непоследовательных, временами иррациональных характеристик, которыми наделялось местное население: «грамотности нет, невоинственны, рост имеют средний, телосложение здоровое, лица плоские, смуглые, в обычаях их заметно большое почтение к старшим родственникам»¹⁰.

Отдельное внимание в рапорте уделялось описанию верований, традиций и обычаев «инородцев». Логично предположить, что это служило наиболее ярким признаком «чуждости» для русского человека в характеристике племен, кочующих на территории Бийского уезда. Но, акцентируя внимание на культурном своеобразии алтайцев, составитель документа представил довольно краткие сведения относительно данного феномена. Так, например, освещая религиозную жизнь племен Алтая, исправник ограничился сообщением, что «все они являются идолопоклонниками», хотя, безусловно, более развернутая характеристика верований населения Алтая представляла бы больший интерес. Часть сведений, отраженных в рапорте, вызывают серьезные сомнения. Так, в документе значилось: «Все они ... подвержены разным предрассудкам, праздников и постов не имеют, при рождении, бракосочетании и погребении никаких обрядов не соблюдается»¹¹, что демонстрирует недостаточную осведомленность чиновника о повседневной жизни и ритуальных практиках коренного населения Горного Алтая.

Анализируя данный рапорт местной администрации в Томское правление, нельзя не отметить скудность, отрывочность предоставленных сведений, часть из которых вызывает серьезные сомнения в достоверности. Это дает возможность предположить, что служащие Бийской канцелярии – непосредственного органа управления коренными жителями Алтая – в середине XIX в. имели крайне поверхностные знания о племенах, кочевавших в пределах вверенной им территории. Источником столь обрывочной информации становились немногочисленные и нерегулярные служебные поездки в стойбища, а отнюдь не масштабные и систематические обследования, как того предполагал функционал Бийской канцелярии.

Во второй половине XIX в. отношение местного чиновничества к региону значительно изменилось, что было обусловлено более детальным знакомством с этническими характеристиками, бытом, верованиями «инородцев» Алтая. В делопроизводственной практике все чаще появлялись характеристи-

⁹ Там же. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же.

ки автохтонного населения Верхнего Обь-Иртышья, отличавшиеся глубиной содержания. Подобные изменения были вызваны конкретными прагматичными интересами государственной власти. Начиная со второй половины XIX в. Горный Алтай превратился из отдаленной окраины в один из центров переселенческого движения, что существенно усложнило характер социально-экономических отношений в регионе. Письма, жалобы, прошения пришедших сюда русских крестьян вынуждали местную администрацию вникать в особенности жизни автохтонного населения территории. Эффективное управление областью требовало наличия комплексных достоверных знаний о ней.

В отличие от проанализированного выше рапорта 1854 г., в делопроизводственных источниках второй половины XIX – начала XX вв. отсутствовала комплексная характеристика Горного Алтая, что объясняется конкретной целью их создания. Иными словами, в документах этого периода представлены преимущественно отдельные фрагменты восприятия региона чиновниками.

Так, например, характеристика географического положения, играющая значительную роль в создании образа региона, в официальных документах данного периода не была представлена. Это можно объяснить тем, что и составители документов, и органы, которым предназначались отчеты, не имели сведения о местонахождении Горного Алтая, особенностях его рельефа, климата. Основное внимание в бумагах официального характера уделялось характеристике коренного населения Алтая. Местной и центральной администрации требовалось разобраться в этническом составе алтайских племен, что являлось необходимым условием для проведения землеустроительных работ на территории региона.

Одной из попыток решить многочисленные земельные конфликты коренного населения и русских крестьян–переселенцев стал проект реформы причисления кочующих «инородцев» к оседлым селениям. С целью получения необходимой информации для разработки данного законодательного акта Министерство внутренних дел в 1891 г. вступило в длительную переписку с Томским губернским правлением. На основе предоставленных статистических сведений о количественном составе местного населения Алтая, их основных занятиях, томский губернатор Тобизен пришел к выводу, что «инородцы эти, подвергаясь постепенному обрусению и усвоив язык и обычаи местных крестьян, не представляют уже, в образе своей жизни, резкого различия с образом жизни последних, тем не менее, особое их управление и неподчинение ведению местных крестьянских учреждений, при совместном жительстве их с крестьянами, является часто причиной их взаимных споров, как личных, так и имущественных»¹². Данная мысль об отсутствии серьезных различий в хозяйственной жизни и быте между инородцами и русскими крестьянами не получила подтверждения в более поздних делопроизводственных документах; более того, она противоречила ряду других источников.

¹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. Л. 1.

В 1912 г. чиновниками Алтайского округа было проведено обследование региона с целью разработки проекта землеустроительных работ на данной территории. Итогом данной деятельности стали докладные записки производителей работ: Н.И. Давидовича (исследовавшего район Телецкого озера и реки Чулышман), Л.М. Березовского (Кош-Агач и Вторая Чуйская волость), А.А. Лапина (территория по р. Ясатер и Укок), представленные администрации Алтайского округа.

Характеризуя население Алтая, землеустроители отмечали многообразие этнического состава, таящее в себе проблему определения прав собственности на земли региона. Так, участники 6-ой Землеустроительной партии сообщали о «пестроте населения на Чуе... Здесь кроме коренного населения – теленгитов второй Чуйской волости – кочует значительное количество киргиз (по данным, собранным при землеустройстве, 672 души м.п.), и в самом центре степи, в арендаторском поселении Кош-Агач проживает до 30 хозяйств русских. Нельзя так же обойти молчанием незначительный процент попадающихся среди теленгитов китайских подданных: соенцев и тюрбетцев»¹³. С целью определения собственников земельных угодий комиссии обратились к истории освоения региона, реконструируя последовательность заселения данных территорий.

Дифференцируя население Алтая на момент исследования, землеустроители выбрали в качестве критерия не уровень цивилизационного развития и не конфессиональную принадлежность, а «характер быта», фактическую систему хозяйствования. Так, в районе Телецкого озера: «Проживающих здесь инородцев можно разделить на три резко отличающихся друг от друга части: 1) население оседлое – по берегам Телецкого озера, 2) арендаторы монастырских земель – по нижнему Чулышману; 3) природные кочевники – Верхний и Нижний Чулышман»¹⁴. Далее приводились характеристики ведения хозяйства обозначенными группами, объяснявшие принцип их разделения.

Особый интерес для анализа образа региона представляют заметки, имеющие отношение к национальному характеру автохтонного населения. В данном случае они относились к экономической жизни алтайских племен. Среди основных характеристик значились «бездействие», «леность». Так, например, первой партией отмечалось: «...рыбное Телецкое озеро могло бы дать богатую пищу, но природная склонность «инородцев» к бездействию и характерное отсутствие заботы о завтрашнем дне заставляют его отказаться от этого дара природы.... Высокие горы изобилуют пушным зверем, птицей. Хорошему трудолюбивому промышленнику при существующих ценах на пушнину было бы нетрудно заработать полное обеспечение для своего семейства, между тем зажиточных людей на побережье Телецкого озера совсем нет». В этом высказывании проявилась тенденциозность и поверхностность оценки жизни инородцев.

¹³ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1481. Л. 29 об.

¹⁴ Там же. Л. 2.

Эти же черты нашли отражение в характеристике взаимоотношений автохтонов с русским элементом, которое оценивалось как исключительно положительное, обеспечившее «внедрение в жизнь инородцев более культурного элемента»¹⁵. Производитель работ по р. Ясатеру, Укоку, Калгуту, А.А. Лапин писал: «Влияние близкого соседства русских не прошло бесследно: хотя пашен у них нет, но большинство делают значительные запасы сена, живут в деревянных или земляных избах, многие занимаются промыслами, нанимаются работать в свободное время к русским на Бухтарме и Уймоне»¹⁶

Сведения о религиозной жизни алтайских племен в анализируемых выше записках не содержались, так как эти данные не представляли ценности в свете выработки основ землеустроительной политики. Однако характеристика верований автохтонного населения становилась востребованной, когда местная власть сталкивалась с волнениями инородцев или их конфликтами с русскими крестьянами. Так, например, в рапорте писаря родовой управы второй, третьей и четвертой алтайских дючин Назара Алексеевича Кутергина приводилось развернутое описание системы религиозных верований¹⁷. Данный документ представляет большой интерес тем, что его составитель – выходец из среды «инородцев», непосредственно владевший знаниями о жизни своего народа. Он указывал, что «...с незапамятных времен каждый род алтайцев верил и молился своему богу: так, родовичи 2, 5, 6 и 7 алтайских дючин молились богу „Пахтугану“, у родовичей 2 и 3 дючины был святой „Бай-Ульгень“, калмыки 4 дючины почитали „яжылгана“, черновые татары чтити „Барчахана“. Всем богам... приносились в жертву животные, лошади, коровы, бараны»¹⁸. Далее шло подробное описание шаманизма: процедур камлания, выбора и подготовки будущего кама.

Таким образом, работа с официальными документами, относящимися к управлению Горным Алтаем, показала, что в делопроизводственных материалах не представлена общая, комплексная картина образа региона и его населения. Главной особенностью этого вида источников по интересующей нас теме является фрагментарность, отрывочность сведений, слабая степень достоверности информации. Другая важная черта состоит в том, что в документах отсутствует какая-либо общая модель изложения событий, происходивших в регионе в историческом прошлом и на момент знакомства с ним, что зачастую порождало противоречивость собранных фактов и суждений, высказывавшихся составителями официальных бумаг. Вместе с тем изучение данных материалов показывает степень информированности российских чиновников XIX – начала XX вв. относительно истории заселения, этнического своеобразия, хозяй-

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1481. Л. 2 об.

¹⁶ Там же. Л. 126 об.

¹⁷ ГАТО. Ф 3. Оп. 12, Д. 688. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 10 об.

ственной жизни, быте алтайских «инородцев», их представлений и восприятия населения Алтая, что, в свою очередь, позволяет значительно расширить существующие представления о детерминантах внутренней политики в отношении конкретного региона.

Анализ делопроизводственных источников, касающихся юго-восточных предгорий Алтая, свидетельствует о том, что непосредственный процесс инкорпорации данной приграничной территории в общеимперское пространство начался лишь во второй половине XIX в. До этого времени на протяжении практически столетия с момента официального включения Алтая в состав России, регион оставался закрытым, «законсервированным», в том числе, для местной власти. Вплоть до середины XIX в. крайне фрагментарные, неточные сведения относительно населения региона изобиловали противопоставлениями «свой – чужой» в соответствии с религиозными и социально-бытовыми критериями. Чиновники второй половины XIX – начала XX в. не прибегали к подобной схеме противопоставления. В этот период наметилась определенная тенденция к сближению, «инородцы» начинали мыслиться как особая категория населения Российской империи, что свидетельствовало об усилении степени вовлеченности региона в общеимперское пространство.

Библиография

Казарина Г.А. Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX – начале XX в.: авторы, проблематика, жанры: дис. ... канд. фил. наук. Новосибирск, 2009. 180 с.

Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 241 с.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006. 343 с.